

Люфт Любовь
Разговоры о наследии

6+

Любовь Владимировна Люфт

Разговоры о наследии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64153602

SelfPub; 2021

Аннотация

В космос больше не летают. Так поговаривают некоторые в кадетском корпусе и настаивают, что путь к звёздам навсегда потерян. Но правда ли это? И за какую правду стоит бороться?

Любовь Люфт

Разговоры о наследии

Солнце клонилось к закату. Усыпанные снегом просторы блестели бликами закатных лучей, отражая загорающееся рыжим, алым и жёлтым небо. Оно обманчиво пылало, не принося тепла.

По заснеженной и не протоптанной дороге шли двое – отец и дочь. Родитель определённо казался больше из-за надетой пухлой куртки и шапки-ушанки с не завязанными нитками наушников, а вот ребёнок почти сливался с блестящим снегом: под тонким слоем оставшегося на вещах снега едва угадывались форменная зимняя куртка с цветной нашивкой кадетского корпуса, буро-зелёный рюкзачок, да и сама шапка-ушанка, чьи наушники за концы были привязаны под подбородком. Девчонка с именем Маша старалась шагать точно по оставленным родителем следам, однако порой оступалась, проваливалась, но тут же, сопя и фырча, поднималась и, перехватывая рюкзак, брела следом.

Впереди уже виднелись потемнения низких домиков, в чьих окнах загорался тёплый свет. Слышались лай собак и предвечерние крики домашней скотины. Отец и дочь вскоре преодолели непротоптанную дорогу – её засыпало за половину дня снегом, стихшим только как полчаса. Однако и дальше путь едва ли был легче или всё же был?

Маша заметила оставленные на проезжей битой дороге следы протекторов грузной машины. Они были достаточными для того, чтобы двое могли воспользоваться ими и пойти друг за другом. Отец также заметил их, и оба, осмотрев пустовавшую улицу деревни, продолжили дальнейший путь по одному из оставленных следов.

Стало легче, и Маша даже смогла оправить шапку, сползшую на глаза. Затем она чеснула холодный нос и тут же сморщилась – застывшие крупички снега царапались.

Они шли по дороге всё дальше и дальше. Маша с тоской осматривала низенькие домики, чувствуя, как в груди также отдавало холодом, но ребёнок спешно списала это на холодную погоду – вон как лютый завывал над полями, тревожа высокие деревья лесополосы. В её воображении он предстал высоким синим чудом-юдом с длинной бородой в землю, в которой застряли шишки. Лютый раздувал грудь каждый раз, когда набирал побольше воздуха, чтобы снова завывать и засвистеть.

До дома оставалось ещё немного, когда отец вдруг спросил:

– И зачем ты Петрову в нос дала?

Маша позабыла о покосившихся домах, лютот ветре и посмотрела на отца. Скрывать то, что она не услышала вопроса было неразумно, как моментально рассудила девчонка, – отец спросил достаточно громко, чтобы можно было слышать и через наушники ушанки.

Собрав в кулак всю кадетскую храбрость и воинскую малую честь, Маша выпрямилась, шмыгнула носом громче и, ослабляя нитку наушников, бойко выпалила:

– А чего он говорит, что женщинам в кадетке не место!

Отец хмыкнул. Дочь восприняла это как однозначный призыв продолжать разговор, оттого продолжила:

– Если и вправду было не место, то были бы у нас кадетские корпуса и училища, хм?

– И то верно, – согласился родитель, и запал ребёнка слегка спал, но не гордость от одобренных слов. – Но можно же не кулаками. А разговором.

Маша нахмурилась, оттянула уголок губ и вскинула брови, полные инея.

– Так это не показательно, – пробубнила она.

– А кулак – показательно? – уточнил отец.

– Да! – настаивала дочь.

«Ну это же очевидно!» – это Маша не рискнула произнести вслух, зато поспешила пояснить свою позицию:

– И доходчиво, и наглядно на следующие пару недель в виде синяка.

Маша притихла – ей понравилась собственная фраза, да и в голове мигом предстал образ Петьки Петрова: взлохмаченный с покосившейся курткой, слетевшей ушанкой и с покраснением где-то у носа. Дальнейшее уже не так интересовало Машу – оба кадета свалились в снег, да вовремя прибежал офицер-смотритель Дьяков, а там бой за честь и за-

кончился. Пришлось отложить его до следующей встречи во дворе кадетского училища в понедельник. Но образ Петьки Маша запомнит надолго. Так ему за злой язык!

– Насилие порождает насилие, – знакомым дочери голосом проговорил отец, и Маша всем слухом обратилась к родителю. Однако озвученное оказалось единственным.

Отец продолжал путь, а дочь помедлила – она всмотрелась в слегка сторбленную тучную спину, запомнила эту фразу и поспешила нагнать его, оставляя поверх следов протекторов собственные небольшие.

Остаток пути до дома они преодолели в тишине, каждый думая о своём. Маша продолжила изучать домики – в некоторых несмотря на позднее время не горел свет и выглядели они оттого будто призраки прошлого, в других лучился только в единственной комнате и становился подобным не надежде, а тоске. Такие нагнали воспоминания о разговоре, произошедшем в классе парой дней назад, и Маша обернулась в противоположную сторону – туда, где за лесополосой буянил лютый и блестели снега.

Солнце почти село, оттого по улицам ползли тени, а снег медленно терял близки заката, становясь снова холодным, синим и серым.

Взгрустнулось. Маша обратила внимание на родителя, однако делиться своими мыслями пока не спешила. Оба вышли, наконец, к дому и путь до калитки выдался легче: по бокам от дорожки высились огромные сугробы, с которых

приятно будет скатиться на выходных, сами же дорожки были вычищены от снега.

Скрипнула калитка, как и раздался скулёж спущенного с цепи Барбоса – пёс отнюдь не породных кровей тут же кинулся встречать хозяев. И Маша заметила, как вилявший хвост стал вилять чаще, стоило Барбосу увидеть и маленькую хозяйку. Пёс начал виться у ног, скуля.

Не так далеко от калитки обнаружилась и лопата, а рядом с ней и небольшая – Маша бойко подумала над тем, что если наметёт поутру, то прежде, чем скатиться с горки, нужно будет эту горку себе построить. А там и отцу будет легче.

Барбос подпрыгнул, норовя лизнуть маленькую хозяйку в нос. Маша засмеялась – и нагоняемая тоска самим Лютым пропадала. Становилась теплей. Она нагнулась, чтобы потрепать Барбоса по морде с мудрыми тёмными глазами. Пёс шлёпнулся на задние лапы и начал вилять хвостом по земле, оставляя так на снегу след полукруга.

Позади вновь скрипнула калитка да щёлкнул замок – то отец запер входную дверь, больше не ожидая гостей.

– Пойдём, примёрзла же, – с улыбкой позвал отец.

Маша ещё раз потрепала Барбоса за щёки и, поднявшись, заспешила за родителем к основному дому. Дворовой пёс, встав и подняв хвост, как верный защитник поплёлся следом. Уже у дома отец обчистил форменку и рюкзак дочери от снега, похлопал и себя по заснеженным местам, затем оба прошли в основную прихожую, где место также нашёл и

Барбос – пёс улётся на выцветшей лежанке и поднял морду, с вроде интересом наблюдая, как хозяйева снимали верхнюю одежду.

Первым в основное тёплое помещение вошёл отец, зажёл свет в остальном доме, а Маша ещё повозилась с сапожками. Отставив их на подставку со сложенной пока сухой тряпкой, она повесила кадетскую форменку за петельку, нахлобучила поверх крепежа шапку, да задержалась, чтобы провести по бордовому шеврону. В голове снова возникли непрошенные воспоминания о разговорах на уроке, потому в нетерпении она шагнула за отцом.

С вопросами пришлось повременить. Сначала она помыла руки, закинула рюкзак в комнату и, сняв верхний пиджак, который постиг ту же участь, что и рюкзак, пришла на кухню. Там отец уже ставил чайник, да насыпал и себе, и дочери гречки с луком и грибами. Тарелка была поставлена перед Машей, но та лишь взялась за ложку, чтобы покрутить её в руках, как перебирала в голове мысли. В них её уже поджидал раздутый от гордости образ Петьки Петрова – он скалился, трепал себя по и без того лохматым волосам да прямил спину. И Маша не выдержала.

– Пап, – позвала она тогда, когда отец отвернулся, чтобы снять засвистевший чайник.

– Да?

– А это правда, что мы в космос больше не полетим?

Чайник ещё свистел, постепенно затихая, когда в обогре-

той печкой кухоньке стало словно холоднее от оседавшего вопроса. Маша поёжилась, вертеть ложку перестала и лишь смотрела в спину родителя, который всё не отвечал. Отец налил в две кружки чай, поставил одну пухлую перед дочерью – где на белом фоне вздымалась вверх ракета, а себе оставил прозрачную и чуть поменьше, на дне которого ещё тревожились чайинки. Он водрузил чайник на подставку и под ней зажёл свечки для поддержания тепла.

– И почему ты так думаешь? – наконец, спросил отец, садясь и беря в руки кусок белого хлеба.

– Я Петьке Петрову в нос не только за женщин в кадетке дала, – созналась Маша, слегка стыдливо опуская взгляд на ложку. – Он ещё сказал на уроке по космонавтике, что мы в космос больше не полетим.

Маша ещё не поднимала глаз, когда отец тяжело вздохнул. Она тут же посмотрела на него слегка исподлобья.

– Ешь. – Отец кивнул на тарелку. – Остынет.

Маша угрюмо глянула на кашу и свежие овощи, на которых ещё блестела проточная вода, и весь её вид говорил об однозначном непринятии пищи до тех пор, пока ответ не будет дан – да такой, чтобы обязательно удовлетворил любопытство и очевидно задетую гордость.

Родитель медлил. Желудок подвывал, и принципы всё же капитулировали перед желанием полакомиться вкусным за трудный день поездки из города в село. Маша кашу зачерпнула, но всё равно буравила отца взглядом – ответ ей был

нужен.

Это понимал и родитель.

– Летали, летаем и будем летать, – начал отец, кидая взгляд в окно, за которым совсем всё стало черным-черно. – Это та стихия, которая была открыта нами.

– Разве? – усомнилась Маша. – А как же Луна? Ведь на ней высадились не мы.

– Высадились космонавтами первыми, быть может, и не мы, но первыми на ней были наши аппараты. – Родитель улыбнулся и повернул голову к дочери. – И едва ли все достижения космонавтики следует мерить только по высадке на Луне.

Во фразе определённо был смысл и логика, оттого образ Петьки Петрова слегка поблёк. Маша посмотрела на рисунок своей кружки: из ракеты тянулся трос, который удерживал вышедшего в космос космонавта.

Отец продолжал:

– Тогда это был общий прорыв для всей державы, нечто невообразимое. – Сухие губы тронула улыбка. – Держава, лежащая в руинах, отправила спустя чуть больше пятнадцати лет человека в космос.

– Гагарин?

– Гагарин, – подтвердил родитель, и Маша кивнула, ощущая как холодок забегал по коже.

Несколько минут они посидели в тишине, орудуя ложками и уменьшая вкусный ужин. В животе вскоре приятно по-

тяжелело, а вот образ Петрова стал вновь проясняться, как и звучали в голове его злые слова. Но на этот раз Маша в за-снеженной кадетской форменке в воображении противостояла ему не одна, рядом была фигура отца, а настоящий на кухне начал перечислять:

– Леонов, Терешкова, Титов, Комаров, Феокистов, Егоров... Савицкая, Кондакова, Беляев... Космонавты.

Образы обозначенных возникали в воображении людьми в скафандрах, каждый из которых вставал позади Маши. Петька растерялся, но и сзади него высились тени, подкрепляемые из новостных сводок и вычитанного втихую из сетей мобильного телефона. Они тянулись по полу и говорили дикторами иностранного телевидения, а также словами обычных граждан. И злые речи звучали всё чаще на родном языке.

– Учёные.

Маша вынырнула из воображения и глянула на отца – родитель поскрёб пальцами подбородок в задумчивости, затем дополнил:

– Не только Циолковский и Королёв, но и Тихонравов, Богомоллов, Глушко, многие другие. А исследования Кондратьюка, – вновь лёгкая ухмылка, – и легли в основу американской лунной программы по высадке.

– Ух ты.

Тени позади Петьки в воображении рассыпались на маленькие частички. За спиной Маши же новые оформились

обликами учёных-исследователей космической науки.

– Также и животные. Куда ж без них. Белка и Стрелка, Звёздочка, Лайка, Чернушка...

Барбос под столом заливисто гавкнул, словно его хозяин забыл упомянуть.

– Да, Барбос и ты в будущем, – будто понимая пса, пошёл у того на поводу отец.

Маша заглянула вниз и удивилась – она и не заметила, как пёс перебрался с прихожей во вторую лежанку, обустроенную на кухне. Барбос повернул к ней морду и, приоткрыв пасть, высунул вбок язык, как если бы пробежал несколько десятков метров и теперь сражался с отдышкой. По паркету несколько секунд раздавался стук хвоста, затем тот стих. Маша, решив, что Барбос пришёл тогда, когда она мыла руки, вернулась вниманием к родителю и прислушалась к себе. В воображении становилось тесно. У ног её теперь появился и Барбос в таком же лётном костюме как у космонавтов, только с изменённым скафандром.

– Учёные, рабочие заводов, конструкторы, исследователи, лётчики, испытатели – это была мечта, над которой работала вся страна, и едва ли стоит умолять их заслуг.

Несмотря на слова, тени позади Петрова оформились в виде аппарата. Он громыхал, фырчал и его посадка сопровождалась комментариями на чужом языке.

– Но американцы сейчас высадились на Марсе. – Маша покачала головой в попытке так сбить с курса чужой аппа-

рат. – Недавно. Неужели мы там не бывали?

– Бывали пролётом, – с улыбкой парировал отец. – Бывали и на поверхности. Наши программы по освоению Луны, Венеры и Марса собирали на них первые данные.

На воображаемом поле в воображаемом сражении сошлись образы Маши и Петьки и их защитников: люди, животные, спутники и будто даже целые планеты. И пока не было там победителя, только хаос, какой царил и в мыслях самой Марии.

– А что сейчас? – задала она главный вопрос.

Отец вздохнул.

– А сейчас произошло достаточно.

– И мы отстали? – словами Петрова осторожно спросила Маша.

Сражение застыло, как если бы остановилось время и все предметы пространства. Всё замерло в предвкушении, как задержала дыхание слегка Маша. Отец же, доев кашу, отставил тарелку в сторону и взял кружку чая. Дочь не торопила его, лишь наблюдала, как из пиалы сбоку он взял снизу печенье, словно оно было вкуснее прочих наверху, затем обмакнул его в чай и проговорил страшное:

– Отчасти.

Мысли в голове упали в большой хаос и уныние. Там одни начали теснить и загонять других, и блёкли те, у кого Маша просила защиты. Стирались в пыль.

Она вернулась к каше, уже без особого интереса доедая

съестное и ощущая, как образы Петрова становились выше, грознее, ужаснее. Только Барбос в скафандре выскочил перед ними и начал лаять, скалясь и рыча. Когда отец заговорил, дочь слушала почти без интереса.

– Тогда настал развал страны. Народы пошли каждый по своему пути, который избрали сами. Приходилось решать задачи. Такие, от которых зависело существование и будущее – справляться с голодом, разрухой, завалами экономики.

Маша знала об этом немного – на уроках истории они проходили ещё Древность, но кое-что она помнила из сводок Интернета, который также подсказал и даты того, о чём говорил отец.

– Но столько времени прошло, – слабо возразила Маша.

– Разрушить всегда проще, чем построить, – низким голосом проговорил отец. – Но проекты прошлого живут до сих пор как наследие, и самое главное из них то, что мы имеем. Базу, основу...

– Космодром! – вдруг посветлела Маша. – Место, откуда будет дан старт!

Кустистые брови вскинулись. Маша так и раздулась от гордости, наблюдая за удивлением отца. Покалеченные в воображении образы стали крепнуть, выситься и вновь становиться позади Марии и Барбоса, а Петька был вынужден отступить, как и его шипящие тени. Родитель хмыкнул, доел печенье и, сделав глоток, на выдохе сказал:

– Но космос – это не место для соревнований.

Окрепнувшее войско в сознании снова застыло.

– Как это? – растерялась Маша.

Отец приободряюще улыбнулся.

– Космос – это общая мечта, где нет первых и проигравших, только если это не смерть. Это пугающее неизведанное и далёкое, в изучении которого нужно прилагать общие усилия и не тратиться на бесполезные войны.

Маша притихла.

– Возможно, сейчас о наших проектах говорят мало, но, – продолжал отец, – они есть, и они также внесут вклад в освоение космоса. Не ради первенства, не ради награды, а ради будущего нашей планеты.

Отец звучал почти как дикторы с экрана и вместе с тем не совсем – дикторы часто переводили тему на какие-то куда более возвышенные вещи и приплетали ценности, порой говорили о изменностях и сплетнях, где всё заканчивалось скандалом и руганью. Это было страшно. А отец говорил искренне и таким голосом, какой заставлял задуматься прежде, чем принять однозначное решение.

– У нас есть прошлое и его наследие, есть основа для будущего и только от вас и от нас зависит, куда мы повернём его дальше.

– От нас?

– Я буду рад, если ты станешь пятой женщиной-космонавтом.

Маша задумалась. В воображении она взяла из рук Те-

решковой пузатый шлем скафандра, бывший ей великоватым. Ребёнок осмотрела названия, которые начали меняться на современные, да и размер стал очевидно меньше, чтобы быть в пору. Мысли были тёплыми и светлыми, но Маша решила подловить отца.

– А если вдруг не захочу? – спросила она, хмурясь.

– Тогда я буду рад поддержать тебя в любом другом начинании. Пей чай, или давай налью новый. Твой, наверное, уже остыл.

– Пойдёт! – бойко отстояла права подстывшего чая Маша, хватаясь за кружку и потянувшись за несколькими печеньями.

Следом, жуя, она сосредоточилась на образах в сознании и с удивлением отметила, как не было больше воин и вражды. Там, где когда-то было лишь сражение наступило перемирие на благо общей мечте, должной стать явью.

<...>

За выходными неизменно последовала новая рабочая неделя, и в кадетском корпусе стоял шум и гам. Задира Петька Петров сидел от всех дальше, на него косились, а тот укрывал от всех налившийся синим фингал, полученный в снежной стычке, да и ещё от девчонки. Мария Прыткина, взявшая библиотечную книгу, собрала всю волю в кулак и пересекла класс в направлении задиры.

Остальные кадеты притихли, класс погрузился в тишину,

в которой отчётливо прозвучал хлопок толстого почти энциклопедического сборника о парту.

– Чего тебе, Машка? – фыркнул Петька, со слабо прикрытым интересом косясь на сборник, где на титуле красовался космический корабль «Буран».

– Мария меня звать, – поправила его Прыткина. – И двигайся, просвещаться будем.

– Да чего мне знать? Всё потеряно, – вспыхнул бойко кадет, но на лавке всё же подвинулся.

– Все могут сказать потеряно и сложить ручки, а вот попробовать восстановить и поднять – не каждый может. Кишка оказывается тонка, и таким в космосе не место!

– Это как это не место? – обидчиво отозвался Петька.

– А вот так. Космос – это испытание. И каждый раз своё. Он бросает нам вызовы, некоторые из которых человечеству ещё неизвестны! Так вот! – важно закончила Мария, посмотрев на Петьку.

Она открыла огромный энциклопедический сборник. Петька придвинулся ближе, заинтересованный скорее больше цветастыми картинками-иллюстрациями первопроходцев. Но Маши уже и этого оказалось достаточным.

Оба пятничные задиры-подстрекатели сидели на последней парте, класс постепенно зашумел дальше, и как знать, как сложится дальнейшая судьба тех, кто помнит о наследии и смотрит в будущее.

Быть может, вскоре имена Петрова Петра и Прыткиной

Марии прозвучат когда-то с орбиты космоса...